

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT I

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

14 ИЮНЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта¹⁵⁵

Преподобный отец наш Нифонт родился в области, называемой Аргирокастрон, от священника селения Лукови. Когда ему исполнилось десять лет, брат отца его, бывший в монастыре святого Николая еkkлесиархом, взял его к себе для утверждения в правилах строгой христианской нравственности. Монастырь святого Николая был основан Константином Мономахом на месте, называемом ныне Месопотам. По принятии отрока в монастырь дядя прежде всего озаботился обучением его грамоте, а потом облек его в иноческий образ. Начатки образования в Священном Писании были так успешны в отроке, а безусловное послушание и скромность его – так назидательны, что вскоре он был сделан чтецом; по достижении же совершенного возраста удостоен и священства. При таком Божественном достоинстве, постоянно упражняясь в чтении Священного Писания и житий святых, Нифонт до такой степени уязвился любовью к Богу и желанием непорочного хранения святых Его заповедей, что решился оставить все и погрузиться в

глубокую пустыню, где бы, при всех условиях безмолвия, можно было бы ему вполне посвятить себя единому Богу. Вследствие сего он удалился из монастыря святого Николая на гору Геромерион, где тогда уединенно подвизался один старец, прибывший с горы Синайской. Там, при руководстве и наставлениях опытного синаита, юный Нифонт, восходя от силы в силу, вполне почувствовал, что и горная пустыня Геромериона неудовлетворительна для порывов пламенной его души, жаждавшей безмолвия совершеннейшего и пустынных подвигов. Поэтому, подавляя в себе чувство привязанности к родине, к сродникам, друзьям и ко всему, что удерживает мысль в связи с миром, он отправился на святую Афонскую Гору и, при тайном водительстве Промысла, достиг пещеры¹⁵⁶ святого Петра Афонского, где тогда безмолвствовал чудный отшельник Феогност, которому и поручил себя Нифонт, как чадо отцу и раб владыке, скрывая пред ним свое священство. Таким образом, Нифонт, словно новоначальный, три года безусловно повиновался своему старцу. Наконец, по истечении этого времени, Феогност, узнав как-то случайно, что его послушник облечен саном пресвитерским, ни под каким видом не захотел иметь его послушником, тем более что подвиги и

труды его казались ему чудными и назидательными. Сколько, с своей стороны, ни убеждал Нифонт и ни умолял старца, чтоб он был по-прежнему руководителем его, объясняя, что это для него необходимо, как еще для несовершенного в опытах отшельнической жизни, Феогност по крайнему своему смирению не согласился на то. Посему Божественный Нифонт удалился от него в соседственный скит великого Василия¹⁵⁷ и там четырнадцать лет провел в крайнем безмолвии, раз только в неделю подкрепляя свои силы малым количеством сухого хлеба.

Между тем, в лавре открылась моровая язва: множество братьев сделалось ее жертвой – так что игумен вынужден был пригласить святого Нифонта в лавру, для Божественного священнодействия. Таким образом, три лета провел он в деле сего великого служения. Впрочем, это послушание как ни было само по себе важно, но влечение сердца к совершенному безмолвию не давало ему покоя. Не в силах будучи подавить в себе это чувство и влечение, он ушел оттуда в Вулевтирие – где ныне скит святой Анны¹⁵⁸, – и там, в пустынной тишине, провел много лет скитальчески без кущи и крова, питаясь только травой и кореньями.

Сколько ни высока, сколько ни безпристрастна была жизнь Нифонта, сколько ни назидательна для всех, однако же нашлись завистники, которые выставили его на вид игумену священной лавры как прельщенного. Доказательство своей клеветы усиливали они тем, что преподобный будто бы гнушается хлебом, как греховной и непозволительной снедью, и потому питается пустынным зельем. Чтоб узнать справедливость обвинения, игумен призвал к себе преподобного Нифонта и спросил, к чему он так строго ведет себя, гнушаясь даже свойственной человеку пищей.

– Древние отцы, – говорил он, – питались зельем в пустынях, потому что не было там хлеба, а здесь есть и хлеб, и другие яства, которые следует употреблять во славу Божию, с умеренностью, избегая таким образом сатанинского кичения от неумеренного и строгого поста.

Как истинный послушник, преподобный принял смиренно совет старческий. Между тем, избегая новых неприятностей, он уклонился из скита святой Анны и впоследствии сблизился с преподобным Максимом Кавсокаливитом, так что сей последний, после многолетнего сопостничества с дивным Нифонтом, в доказательство своей искренней к нему

привязанности и дружбы уступил ему собственную свою кущу, или шалаш, а себе устроил близ него другую.

Но так как к святому Максиму многие стекались ради чудес, которые совершал он, и ради пророчеств о будущем, то святой Нифонт, не терпя молвы, с соизволения и по совету святого Максима удалился в пещеру против местности «святого Христофора» и там безмолвствовал. Немного протекло времени, как пришел к нему с его родины инок Марк, у которого был брат, – чтобы подчинить себя старческому его водительству. Святой принял его с любовью и повелел ему построить каливу как себе, так и брату.

– Что ты, отче? – возразил удивленный Марк, – брат мой – мирянин и живет в кругу своих родных.

– Прости, – отвечал ему смиренный Нифонт, – я помешанный и не знаю сам, что говорю. Не слушай меня, и делай, что тебе угодно.

Между тем, настал праздник святого Афанасия. Преподобный, посылая Марка в лавру на этот праздник, сказал ему:

– Возвращаясь с праздника, приведи с собой и брата твоего.

Марк на это возразил святому Нифонту то же, что и прежде. Но, приближаясь к лавре, он

вдруг видит брата своего у монастырских ворот. Пораженный пророчеством святого, радостно обнял он пришедшего и, по окончании лаврского праздника, возвратившись вместе с ним к своему старцу, пал к ногам святого и просил у него прощения в своем маловерии. Вскоре затем Марк до крайности разболелся, и святой, упрекнув его за маловерие и сомнение в чудодейственной силе Божией, помазал его елеем от неугасимой лампы, и Марк восстал от болезненного одра.

– Се здоров еси; ктому не согрешай, да не горше ти что будет, – сказал ему при этом святой Нифонт. Спустя несколько времени после сего Марк стал просить у Нифонта позволения половить рыбы в море и услышал от него следующее:

– Научись прежде уловлять и замечать нечистые помыслы, а от моря и ловли рыб откажись, да не погрузишься в море искушений.

Марк не обратил внимания на старческий совет и под предлогом измовения загрязнившегося платья спустился к морю, закинул удочку и наслаждался совершенным удовольствием. Преслушание не прошло даром. В то самое время, как Марк весь был погружен в свое занятие, вдруг из моря выпрыгнул и кинулся прямо на него огромной величины зверь. Марк

ужаснулся и, молитвенно призвав на помощь своего старца, едва-едва кое-как избавился от зверя. Находясь вне себя от страха и в то же время держа в руках пойманную рыбу, он прибежал к святому, но тот с отеческим участием сказал:

– Преслушнице! Тот, кто преобразился в змия, на прельщение праотцев, и ныне принял вид морского пса на твою погибель, и только Христос, пришедший в мир для упразднения вражеской силы, по неисчетной Своей благодати помог тебе в ожидании твоего покаяния. Что же касается до пойманной тобой рыбы, как плода преслушания, я ни под каким видом не решусь коснуться ее.

Тронутый старческим выговором, Марк пал к стопам его и плакал слезами раскаяния. С того времени он исправился и оказывал полное послушание святому до самой своей смерти, которая не замедлила посетить его. По смерти Марка в услужении святому остался племянник его Гавриил.

Еще за шесть месяцев преподобный Нифонт предвидел, что святой Максим Кавсокаливит уже близок к исходу в вечность, и сказал ученикам своим:

– Пойдем к святому Максиму для принятия от него последнего благословения, потому что более не увидимся с ним в настоящей жизни.

И вот они пришли. По взаимном приветствии друг друга святой Максим сказал:

– Радуйтесь, возлюбленные братья! Это приветствие уже прощальное, с этой поры мы более не увидимся.

Как предвидел преподобный Нифонт кончину преподобного Максима, так она и последовала.

По прошествии многих лет после того на Святой Горе опять открылось моровое поветрие, и послушник Нифонта, Гавриил, был поражен смертельно. Тогда у Гавриила жив был еще отец его, Досифей, который плакал по нем неутешно. Святой Нифонт утешал его и говорил:

– Не плачь, брат, – сын твой, ради послушания моему недостоинству, ныне не умрет.

Потом, обратившись к востоку, помолился ко всещедрому Богу втайне – и больной встал со смертного одра, славя Бога. Потом святой, беседуя с бывшими при нем, сказал:

– Вот брат наш, помощью Божией, выздоровел, а я во время Петрова поста должен умереть.

Наконец настал пост святых Апостолов. В субботу первой недели, встав утром, преподобный помолился, потом причастился

Божественных Таин и наконец сказал своим ученикам:

– Чада возлюбленные о Господе! Настало время моего отшествия ко Господу, Которого с юности моей любил я от всей души моей.

Ученики смутились от старческих слов.

– Не смущаться и плакать надобно вам, – сказал он, заметив их смущение, – а радоваться, потому что во мне вы будете иметь молитвенника пред Богом о спасении вашем, только бы и с вашей стороны исполняемы были заповеди Его.

На другой день, т.е. в воскресенье, преподобный приказал им прежде укрепиться пищей, а потом выкопать ему могилу и приготовить все нужное для погребения:

– Время идти мне, – сказал, – в землю, от неяже и взят бых.

Когда все это было исполнено, он встал с одра и долго молился с поднятыми к небу очами и руками; наконец, по совершении молитвы, благословил всех, у всех просил прощения, возлег на смертный свой одр и, скрестивши на груди преподобные свои руки, мирно испустил и предал дух свой Богу. Тогда лицо праведника, в знамение небесной его славы и дерзновения пред Богом, просветилось как солнце. Преподобный Нифонт почил 14 июня 1330 года. Всех лет его земного жития было 96. Много

сотворил он и чудес в течение своей жизни, из них, кроме сказанных, предлагаем здесь еще следующие.

Духовный и добродетельный старец Феодул пожелал однажды видетсья с преподобным Нифонтом ради душевной пользы: встал и пошел к нему. Но дорогой, при одной стремнине, он поскользнулся и так уязвил ногу о камень, что от множества истекшей крови и от боли пришел в крайнее изнеможение и ожидал смерти. Наконец, в духе веры, горько восстенал он пред Господом и сказал: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Если Нифонт действительно имеет дерзновение пред Тобою и благодать, избавь меня, ради его молитв, от неминуемой смерти и страданий». Едва старец произнес это – течение крови остановилось, болезнь совершенно утихла и старец, славя Бога и Его угодника, выздоровел.

Один из иноков лавры преподобного Афанасия, питая чувство любви к святому, послал ему чрез друга своего сосуд с елеем. Случилось, что несший Нифонту этот дар споткнулся на пути, упал – и бывшие при нем другие вещи разбились, а сосуд с елеем остался цел. Когда брат принес и отдал преподобному этот сосуд, Нифонт с улыбкой сказал:

– Видишь, как сильна вера брата, пославшего елей. Вера его и тебя избавила от беды, и сосуд с елеем сохранила в целости, хотя прочее все и разбилось.

Прозорливость Нифонта поразила брата, которому он рассказал все, что случилось с ним на пути, – и брат прославил Бога.

Другой монах, страдавший много лет головной болью, вместо того, чтобы искать помощи свыше, обратился к врачам, истратил на них все, что имел, и не получил никакой пользы. Видя такую тщету человеческих пособий, он наконец пришел к преподобному и, припадая к ногам его, умолял его о даровании исцеления.

– Верую, святче, – говорил он, – чего не попросил ты у Бога, дастся тебе.

– Напротив, брат, – отвечал преподобный, – я человек грешный, а грешного Бог не слушает.

Между тем, больной, заливаясь слезами, не преставал припадать к стопам его и умолять об исцелении его от болезни. Тогда блаженный Нифонт, тронутый стародальческим положением брата, прочел молитву над головой больного, и больной почувствовал, что будто шум или сильный вихрь вылетел из головы его. Вслед за тем он исцелился и, славя Бога, возвратился в свое жилище, полный удивления и признательности к своему врачу.

Часовой мастер священной лавры выгнан был из нее за какую-то погрешность. Когда он пришел к святому и, жалуясь на несправедное изгнание свое из лавры, просил позволения остаться у него в послушании, – святой отвечал:

– Возвратись в лавру, припади к игумену, сознайся смиренно в своей вине, и ты будешь опять принят. Если не послушаешься моего совета, поверь – здесь не вытерпеть тебе тесноты пустынной, а что всего важнее, ты лишишься части и жребия святых отцов обители. А когда возвратишься – чрез несколько времени возведен будешь на степень экклесиарха, и потом – игумена лавры. Всего же более – смиряйся.

Затем Нифонт с улыбкой продолжал:

– Когда, по воле Божией, сделаешься игуменом, помни и нас.

Брат поступил по совету божественного Нифонта, и, действительно, принят был в лавру; потом, чрез некоторое время, по пророчеству преподобного, избран экклесиархом и, наконец, игуменом. Признательный за совет преподобного Нифонта, он посылал ему все необходимое для келейной жизни. Богу же нашему, славно прославляющему святых Своих, слава и держава во веки веков. Аминь.

* * *

155

Из Neon Eklogion.

156

В области лавры святого Афанасия.

157

В области лавры святого Афанасия.

158

Там же.

